

ученых и специалистов экологов. У значительной части молодежи еще не сложился мотивационный «механизм» углубления экологических знаний в целях их использования по прямому назначению. У многих молодых людей отсутствуют побуждения к собственно эколого-познавательной деятельности, то есть «знание» и «деятельность» существенно дистанцированы друг от друга. Чем больше взрослые будут развивать собственную экокультуру, тем больше вероятность того, что рано или поздно их дети будут вести себя уважительно по отношению к природе.

Стоит подчеркнуть, что задача развития экологической культуры молодежи с течением времени приобретает все более острый характер и требует не ситуативного, а перспективного, стратегического решения. Конечно, огромная роль в решении этих задач отводится образовательным учреждениям.

В образовательной практике сегодня разрабатываются и апробируются разнообразные концепции экологического образования, наиболее перспективными из которых выглядят те, которые кладут в основание трансформаций образовательных систем идею экологизации образования. Несмотря на разность подходов, перспективные изменения образовательных систем связаны с тем, что все они в той или иной мере реализуют единую концептуальную установку – насыщение содержания образования экологическими знаниями, выработку умения и навыков практической деятельности по реализации принципов экологической политики, а значит, становления и развития экологической культуры.

Радикальное преобразование образования, осуществляемое инновационным путем, в своей основе должно учитывать возрастающую потребность в экологизации содержания образования на всех уровнях системы образования. Современное экологическое образование должно дать молодежи возможность выработать свою систему ценностей и развить ответные реакции на разнообразные экологические проблемы. Помимо роста осведомленности и озабоченности состоянием окружающей среды, молодые люди должны знать, что предпринять и как содействовать устойчивому использованию ресурсов окружающей среды – как в своем собственном образе жизни, так и через участие в принятии коллективных решений.

Список литературы:

- [1] Парсонс Т. Функциональная теория измерения // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 475
- [2] Социально-экологические проблемы: научно-теоретический поиск и направления исследования («круглый стол») // Социологические исследования. – 2005. – С. 88–95.

А.Б. Лавров
ФБОУ ВПО «ВГАВТ»

НЕДОПУСТИМОСТЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ РЕБЁНКА

В настоящее время мы являемся свидетелями того, как под лозунгами модернизации, оптимизации и повышения качества обучения осуществляется такое реформирование российского образования, которое чревато, в конечном счёте, полным его уничтожением. Одну из самых серьёзных угроз в этом смысле создаёт навязывание России современной концепции «прав ребёнка», потому что, как показывает зарубежный опыт, везде, где эта концепция воплощается в законодательстве, она вызывает к жизни крайне деструктивные процессы в сфере образования.

Иллюстрацией к сказанному может служить попытка «модернизации» школы в Южной Корее – стране, для которой до последнего десятилетия XX в. были характерны повышенные требования к дисциплине и уровню знаний учащихся. В середине 1990-х южнокорейское Министерство образования и совершенствования человеческих ресурсов решило отказаться от традиционных для дальневосточных стран форм организации учебно-воспитательного процесса и создать так называемую «открытую систему образования, сфокусированную на потребителе». В школах были полностью запрещены телесные наказания и многочасовые принудительные дополнительные занятия, на которых учащиеся подготавливали (нередко в ущерб их здоровью) к вступительным экзаменам в университеты [12, р. 116]

В 2002 г. сеульская газета «Чосун Ильбо» проанализировала результаты «модернизации». По её свидетельству (20.03.2002), «нагрузка и ответственность учителей выросли в разы, но в то же самое время их статус в учебно-воспитательном процессе понизился столь драматически, что впору говорить о «коллапсе учительского авторитета» и «коллапсе корейского образования». Дополнительные занятия запретили, ... но это лишь раздуло спрос на частное репетиторство. Запрет на телесные наказания превратил учителей в беспомощные лишь формально руководящие процессом фигуры, неспособные ничего сделать с учащимся, который в своём открытом неподчинении им зашёл слишком далеко» [12, р. 116].

Провал эксперимента вынудил Министерство разработать в том же 2002 г. новый «план улучшения состояния народного образования», подразумевавший возвращение к основам существовавшей прежде системы. Так, дополнительные занятия были разрешены, но «на строго добровольной, а не на принудительной основе, и в определённых временных границах» [12, р. 116]. «В пределах, необходимых для защиты достоинства... учителей», последним снова было разрешено сечь учащихся розгами. Планировалось, что каждая школа разработает руководство по порке «с участием школьников, учителей и родителей – с тем, чтобы предотвратить злоупотребления и ненужные конфликты» [12, р. 117]. Заместитель министра образования Чой Хи-сеон заявил, что эти меры направлены на «укрепление конкурентоспособности посредством обеспечения независимости школы... и создания условий для того, чтобы у учителей росла мотивация и чувство гордости» [12, р. 117].

Защитники «прав детей» пытались объяснить неудачу южнокорейской школьной реформы чрезмерной быстротой и резкостью перехода страны от авторитарной к либеральной системе образования. Однако и во всех без исключения странах Западной Европы, где либерализация школьной дисциплины началась гораздо раньше и проходила более планомерно, чем в государствах Дальнего Востока, сегодня можно наблюдать примерно такую же картину, как и в Южной Корее 2001–2002 гг. Так, в Швеции, являющейся всемирным «пионером» в части «детозащитных» законодательных инноваций, учителям полностью отказано в праве на воспитание школьников. До 8-го класса ученикам не ставят никаких оценок, дабы не травмировать их психику; успевающих не оставляют на 2-й год и, естественно, никого не исключают из школы. Дети обращаются к учителю на «ты» и не обязаны отвечать на приветствия педагогов. Последние жалуются, что работать в классах становится всё труднее из-за хаоса, шума и агрессии на уроках [9]. Представление о том, что творится сегодня в шведских школах, можно почерпнуть из книги «Швеция глазами русской женщины», написанной давно живущей и работающей учительницей в этой стране Марией Густафсон: «Даже если подросток назовёт учителя проституткой, он практически не наказуем. Это может происходить из урока в урок. Кончится тем, что учитель поменяет место работы. Это будет лучшим выходом для учителя. Известны случаи, когда ученик одним ударом кулака привёл учителя в состояние инвалидности... Одна девушка задала мне вопрос. Получив ответ, она заявила мне в лоб: «Собачье дерьмо». Видимо, она была недовольна ответом... В другой раз подошёл ко мне за объяснением учащийся и, не желая вникнуть в задачу, стал орать на меня: «Я не понимаю! Почему такой от-

вет?» Пришлось мне напомнить ему, что он может орать на папу с мамой, если они ему это позволят, но не на меня. И это было в престижной школе!» [5, с. 107–108].

Аналогичная ситуация сложилась в Германии, реформировавшей в 2000 г. своё законодательство по примеру скандинавских стран. В начале 2006 г. немецкие учителя устроили массовую забастовку, требуя от правительства, чтобы им вернули хотя бы какие-то рычаги воздействия на детей. «Их стало невозможно учить!» – возмутились педагоги. – «Они нас совершенно не слушаются. Мы им говорим: «Дети! Сегодня мы будем проходить такую-то тему». А они в ответ: «Пожалуйста! Только без нас». И это в начальной школе! В старших же классах вообще творится полный бедлам. Пусть те, кто дал детям право издеваться над учителями, сами их учат. Мы умываем руки» [10, с. 6–7].

Во Франции ещё в 1990-х регистрировались случаи зверских избиений учителей учениками [6, с. 168], а несколько лет назад по всей Европе прокатилась волна школьных погромов, во время которых учащиеся жестоко избивали педагогов и даже директоров школ [7, с. 133].

Переходя к России, можно с сожалением констатировать, что описанная выше общая картина во многом применима сегодня и к нашей стране. Во-первых, в российском законодательстве уже существуют правовые нормы, представляющие собой аналоги западных ювенальных законов – например, ст. 156 УК РФ («Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего») или п. 4.2 ст. 56 Закона РФ «Об образовании»:

«– применение, в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося (воспитанника) является основанием для увольнения педагогического работника по инициативе администрации (то есть по статье)» [5, с. 99].

В соответствии с комментарием к ст. 56, п. 4.2, «физическое насилие – это применение физической силы к ученику», а «формами психического насилия являются: угрозы в адрес обучающегося; преднамеренная изоляция обучающегося; предъявление к учащемуся чрезмерных требований, не соответствующих возрасту; оскорбление и унижение достоинства; необоснованная систематическая критика ребёнка, выводящая его из душевного равновесия; демонстративное негативное отношение к обучающемуся» [5, с. 97–98].

При такой трактовке этих понятий к ним можно отнести любые действия учителя по наведению порядка или поддержанию дисциплины: от выдворения из класса хулигана или попытки разнять затеявших драку детей (насилие) до угрозы вызвать в школу родителей или просто сделанного в резкой форме замечания (подросток, у которого, в силу обусловленной возрастными особенностями психической неустойчивости, нередко вызывает возмущение даже обычный совет, может истолковать это как оскорбление своего достоинства).

Во-вторых, последствия практического применения таких законов, вполне сопоставимые с имеющими место на Западе если (пока) не по масштабам, то по характеру проявления, уже можно наблюдать и в отечественных школах. По данным МВД РФ, опубликованным газетой «Версия» в ноябре 2010 г. (т.е. в самый разгар начатой «Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации», «Правами ребёнка» и другими финансируемыми из-за рубежа «общественными» организациями всероссийской антисемейной и антипедагогической кампании, частью которой стала разнузданная реклама «детского телефона доверия»), в 2009 г. дети и подростки совершили более 95 тыс. преступлений (причём каждое 3-е из них относится к категории тяжких или особо тяжких), а за 1-е полугодие 2010 г. – около 40 тыс. преступлений. Комментируя эти данные, газета подчеркнула, что основным источником насилия в школах являются сегодня не учителя, а сами дети; но «эту опасность ни школы, ни чиновники стараются не замечать» [4, с. 16].

В-третьих, в России, как и на Западе, жертвами детского и подросткового насилия становятся уже не только другие несовершеннолетние, но и взрослые, в т.ч. учителя. Так, в мае 2007 г. одиннадцатиклассник школы №57 г. Иркутска 9 раз (!) ударил ножом учительницу физики – за то, что та отказалась поставить ему «тройку» в учебном году (без этого его не допускали до выпускных экзаменов). В сентябре того же года несчастная учительница, залечив раны, снова вышла на работу; юноша же на тот момент не понес никакого наказания. Более того: комментируя этот случай, редактор отдела образования газеты «Комсомольская правда» А. Милкус попытался фактически оправдать «парнишку» и возложить всю вину на взрослых, в т.ч. на самую пострадавшую учительницу: мол, нужно было проявить мудрость и не «давить» на школьника. «Ну не давалась физика парню... Бывает!» [3, с. 5]. Как будто речь шла о безобидном шаловливом мальшке, а не о 17-летнем преступнике, нанёсшем человеку 9 ножевых ранений!

В феврале 2012 г. имели место сразу два «нашумевших» случая нападения школьников на учителей. В нижегородской школе номер 183 10-летний пятиклассник, в очередной раз не выполнивший домашнее задание, несколько раз ударил учительницу с 27-летним стажем в область виска сотовым телефоном после того, как она пригрозила проинформировать его родителей. Одноклассники хулигана сообщили, что тот не боялся наказания, потому что был внуком директора школы. По информации «Комсомольской правды», ученик впоследствии был переведён в другую школу, и инцидент посчитали исчерпанным [8]. **Второй случай произошёл** в г. Томске: одиннадцатиклассник общеобразовательной школы № 41 напал на учительницу в помещении школьной столовой и избил её. Уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов заявил о необходимости привлечь школьника к уголовной ответственности, «если его вина будет доказана», но добавил, что «нужно внимательно разобраться в причинах такого поведения ученика» [8].

Для сравнения следует отметить, что в случаях даже лёгкого физического воздействия учителей или воспитателей на детей российские правоохранители, журналисты и директора школ реагируют гораздо более оперативно и решительно, не утруждая себя выявлением причин действий педагогов. Так, по сообщению «Взгляд-инфо» от 20.08.2012, в Дергачевском районе Саратовской области было возбуждено уголовное дело против 28-летнего вожака детского лагеря "Солнечный" Сергея Белянкина, вина которого состояла в нанесении «не менее трёх» ударов ремнём 12-летней воспитаннице. Обвиняемый был незамедлительно уволен из лагеря и из школы, где он работал учителем [1]. **Имеющаяся информация слишком скудна, чтобы судить об этом деле более или менее компетентно. Но обращает на себя внимание крайне тенденциозный характер подачи материала, начиная с «обличительного» заголовка «Вожатый «Солнечного» избивал детей ремнём» – при полном отсутствии сведений как о других случаях «избиений», так и о причинении вреда здоровью воспитанницы! Налицо попытка манипулирования эмоциями читателей с целью заставить их смотреть на случившееся с позиций «детозащитников».**

В основе позаимствованной Россией у Запада идеологии «модернизации» образования лежат принципы Международной Конвенции о правах ребёнка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 г. и успешно используемой в качестве инструмента разрушения образования в странах, внутренняя и внешняя политика которых контролируется наднациональной финансово-политической элитой. Последняя заинтересована в деинтеллектуализации населения планеты, в первую очередь, потому, что массовое «оглупление» исключило бы возможность эффективного сопротивления деятельности этой элиты («глобалистов») по созданию управляемого ею всемирного государства [11, с. 49, 51]. Кроме того, школа является вторым по важности (после семьи) каналом передачи культурных традиций и воспроизводства национального менталитета. Следовательно, ликвидация образования помогает решить ещё одну стоящую перед «глобалистами» задачу: разрушение национального

самосознания и достоинства с заменой их на «универсальные» индивидуалистические ценностные установки [11, с. 49].

Именно поэтому при так называемой «гуманизации» школы сплошь и рядом игнорируется мнение широкой общественности и даже самих детей. Достаточно иллюстративным можно считать пример Таиланда, где в 2005 г. Министерство образования запретило применение в школах телесных наказаний. В 2011 г. Совет Учащихся (Students' Council) страны обратился в министерство с просьбой о возвращении порки в школы, сославшись при этом на очевидную тенденцию роста числа случаев противоправного поведения учащихся в последние годы. Проведённый по этому поводу социологический опрос охватил около 1500 учителей, школьников и родителей. Призыв Students' Council поддержали 54% опрошенных – при условии, что наказания будут справедливыми, неопасными для здоровья, подконтрольными и ограниченными определённым кругом проступков (в качестве таковых чаще всего называли курение, употребление алкоголя, азартные игры, незаконные сексуальные отношения, драки и прогулы занятий в школе). Тем не менее, министр образования отказался изменять правила, приведя в качестве единственного аргумента «против»... своё собственное негативное отношение к телесным наказаниям! [2, с. 50].

Таким образом, опасные тенденции, набирающие силу в отечественном образовании, закономерно проистекают из попыток перестройки его по западным педоцентрическим образцам. И напротив: опыт Южной Кореи свидетельствует, что по-настоящему разумная и эффективная реорганизация государственной системы образования возможна только на основе национальных культурных традиций и при обязательном условии отказа от базового принципа, провозглашённого Конвенцией ООН о правах ребёнка – принципа приоритетности интересов ребёнка, как он их понимает в своём возрасте, перед потребностями семьи, религии и общества.

Список литературы:

- [1] Вожатый «Солнечного» избивал детей ремнём. Взгляд-инфо. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vzsar.ru/news/2012/08/20/vojaty-solnechnogo-izbival-detei-remnem.html>
- [2] Движение за запрет телесных наказаний в семье: истоки, методы, результаты. – СПб.: МОО «За права семьи», 2011. 62 с.
- [3] Жеглова И. Ученик 9 раз пырнул ножом учительницу и остался на свободе. //«КП – Нижний Новгород», № 131 (23964), 08.09. 2007, с.5.
- [4] Козулин Я. Злой урок. //«Версия», № 42 (267), 01-07.11. 2010, с.16.
- [5] Медведева И., Шишова Т. Бомбы в сахарной глазури. Технологии обмана. – Рязань: Зёрна-Слово, 2012. 256 с.
- [6] Медведева И., Шишова Т. Дети нашего времени. – Саратов.: Изд-во Саратовской епархии, 2007. 320 с.
- [7] Медведева И., Шишова Т. Родители и дети: конфликт или союз. – М.: Софийская набережная, 2007. 144 с.
- [8] Плоды тьюторства в школах: Томский одиннадцатиклассник избил учительницу в столовой. STOP ювенальной юстиции / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://juvenaljustice.ru/index.php/news/870-plody-tjutorstva-v-shkolah-tomskij-odinnadtsatiklassnik-izbil-uchitelnitsu-v-stolovoj>
- [9] Прогресс по-шведски или пластиковые родители. STOP ювенальной юстиции. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://juvenaljustice.ru/index.php/news/897-progress-po-shvedski-ili-plastikovye-roditeli>
- [10] Шишова Т. Как воспитать в ребёнке послушание? – М.: Лоза, 2007. 32 с.
- [11] Эстулин Д. Кто правит миром? или Вся правда о Бильдербергском клубе. Пер. с исп. – Минск.: Поппури, 2008. 288 с. + 16 с вкл.
- [12] Stone M. The Corporal Punishment of Schoolgirls. Fully revised edition – Bexhill-on-Sea.: AKS Books, 2002. 224 p.